

В.А. Ершов

Я знаю, о чем ты молчал

Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84 (2РОС=Рус)84
Е 80

Ершов В.

Е80 Я знаю, о чем ты молчал / Виктор Ершов. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 88 с.

ISBN: 978-5-519-02722-9

В документальной повести «Я знаю, о чем ты молчал» автор попытался воссоздать события, происходившие в июле 1943 года с его отцом – тогда двадцатичетырехлетним лейтенантом. С максимально возможной хронологической точностью и исторической достоверностью повествование час за часом, день за днем ведет читателя рядом с одним из участников сражения на Курской дуге. Автор избегает героического пафоса и официальной риторики, давая возможность читателю самому, как бы от первого лица, пережить то, что выпало на долю поколения, победившего в Великой Войне. Книга адресована широкому кругу читателей, прежде всего молодежи.

УДК 82-3
ББК 84 (2РОС=Рус)84

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN: 978-5-519-02722-9

© В. Ершов, 2014
© Книга по Требованию, 2014

От автора

Удивительно, насколько сильно иногда могут изменяться взгляды, внутренний мир человека в течение его жизни! Иногда, кажется, только имя то же да внешнее сходство сохранились, а человек – совсем другой...

Мои отношения с отцом складывались непросто. Когда я родился, отцу было 42 года, так что не удивительно, что между нами всегда была большая дистанция и недопонимание, просто в силу очень большой разницы в возрасте. Но кроме возраста на наших отношениях сказывались особенности наших характеров.

Первый конфликт с отцом врезался в память на всю жизнь, и, как мне кажется теперь, он оказал определяющее влияние на основу моего мужского естества. Мне было тогда лет 6-7, мы с ребятами построили во дворе нашей хрущевки горку, не горку – холм из снега. Зимы в Предуралье всегда были снежные и способствовали воплощению детских архитектурных фантазий. Кто-то предложил игру «Царь горы», условия которой очень просты: тот, кто быстрее заберется наверх и спихнет всех вниз, тот и есть царь горы. Ребята в компании были чуть постарше и мало знакомы мне, так как наша семья совсем недавно переехала сюда из коммуналки. Но я с щенячьим восторгом принял участие в возне, которая закончилась предсказуемо: кто-то из старших ребят неловко двинул меня по носу, а когда я разревелся, вся компания высказалась в том духе, чтобы я шел куда подальше. Размазывая кровь и сопли, с плачем: «Папе скажу!», я бросился домой. Распахнув настежь

входную дверь, захлебываясь от слез, я как мог обрисовал ситуацию выскочившим навстречу мне родителям, требуя защиты и поддержки. С трудом поняв, в чем дело, отец сердито сказал: «И что, я теперь всегда буду с тобой ходить? Возвращайся назад и разбирайся сам!» «Анатолий!– укоризненно сказала мама, просительно глядя на него, но, поймав гневный взгляд отца, засуетилась: – Подожди, я сейчас оденусь...» «Сиди!» – рявкнул отец и вытолкал меня за дверь. У меня перехватило дыхание от обиды и жалости к себе, после чего слезы с новой силой хлынули из глаз. С трудом собравшись с духом, я вышел из подъезда и, еле передвигая ноги, опять поплелся к горке. «Смотри-смотри, отца ведет!» – как-то слишком возбужденно закричали пацаны – видно было, что они ждали и побаивались дальнейшего развития событий. Увидев, что я один, мальчишки удивленно замолчали и наблюдали за моим приближением. Подойдя к ним и забравшись наверх, я со всей силы ударил в грудь своего «обидчика». Потеряв по дороге шапку, тот кубарем скатился вниз, слезы выступили у него на глазах: «Ты что?!». «Я – царь горы! Ну, давай! Давай играть! Сталкивай меня вниз!» – в отчаянии, охваченный чувством, что терять уже нечего, стал кричать я. «Ты что, псих? Ребята, пошли отсюда! Ну его, он псих!» – вся ватага удалилась, с опаской оглядываясь на меня. Надо признать, что после этого случая никогда больше, даже спустя годы, никто во дворе не пытался меня задирать или обижать, даже когда я подростком поздней ночью возвращался домой один, мимо подвыпивших, бречащих на гитаре ребят. Ну а в моей душе надолго поселилось чувство глубокой обиды и отчужденности, которое только усиливалось с годами.

Помню, удивленное и раздосадованное лицо отца, когда вместо выражения восторга и одобрения я попятился и убежал, увидев в тазу на полу окровавленную тушку зайца-беляка, подстреленного отцом на охоте. Помню свое чувство злости и беспомощности, когда на рыбалке, сидя на бережке с удочкой, отец полдня с улыбкой наблюдал, как я пытаюсь вытащить из прибрежного песка, куда я загнал его по глупости, тяжелый «Урал» с коляской.

На долгие годы моим самым близким другом стала мама. Она читала мне книги, мы любили гулять вдвоем, смеяться, мечтать и болтать всякие глупости. Отец же был грубым, несдержанным «выпимши» и замкнутым, неразговорчивым трезвым. Иногда, когда мы бывали вдвоем на рыбалке, он за весь день обменивался со мной всего несколькими фразами. Ситуация усугубилась ко времени моего окончания школы. Отцу было под шестьдесят, он постепенно спивался и стремительно превращался в развалину. Я начал позволять себе дерзить отцу и даже откровенно оскорблять. Иногда, доведенный мною до белого каления, отец взрывался: «Ты прекращай со мной так разговаривать! Я вот этими вот руками... убивал!»

Все изменилось после его смерти. За несколько дней перед этим он, парализованный, попросил меня подвести его к окну. Отец энергично замычал, когда я попытался взять его иссохшее тело на руки, и протянул мне правую, рабочую руку, казавшуюся неестественно большой и сильной. Сжав стальной хваткой мою ладонь, он перенес вес всего тела на здоровую руку и, привалившись ко мне, дал понять, чтобы я нес его к окну, за которым бушевало лето. «Эх, сейчас бы на рыбалку...» – с трудом разобрал я слабый голос и с ужасом увидел, что отец плачет. Он дал мне знать, чтобы я нес его обратно в кровать и ухаживал. Вскоре его не стало...

А три недели спустя я, вчерашний выпускник московского вуза, а ныне – свежеиспеченный гвардии лейтенант, командир взвода, проводя тактические занятия на полигоне под литовским городком Тяльшай, вдруг почувствовал такой приступ тоски, что, поручив сержанту продолжать занятия «Взвод в наступлении, пеший по-танковому», ушел в камыши и долго бродил там и выл в голос. Я вдруг ощутил мучительное одиночество, почувствовал, что теперь я наконец могу принимать решения самостоятельно, ни на кого не оглядываясь, и это меня страшило и угнетало.

Тогда я еще не знал, что ровно сорок лет назад, в июле 1944 года, в этих же самых литовских болотах мой отец, 25-летний гвардии лейтенант, командир взвода, был в очередной раз ранен. Но, как я теперь понимаю, именно с этого момента начал-

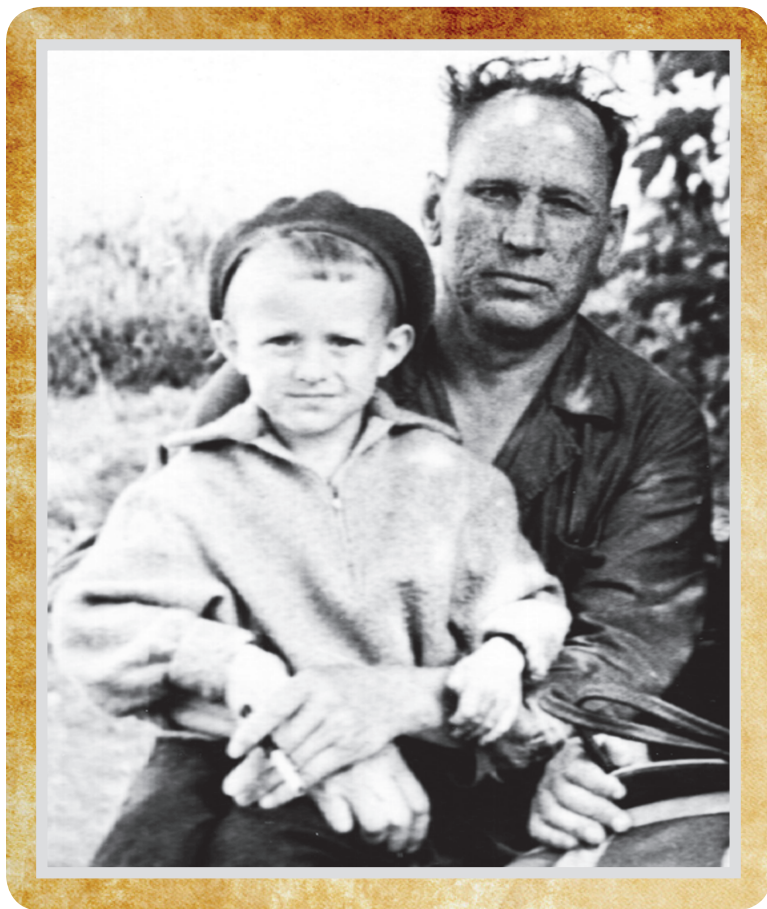
ся процесс медленного осознания того, что я – плоть от плоти отца своего, что я двигаюсь как он, у меня его характер, я люблю и не люблю те же вещи, что любил и не любил он, и, вообще, я гляжу на мир его глазами. Постепенно впервые я начал ощущать потребность поговорить, посоветоваться и испытывал горькое сожаление от того, что все, поздно...

Долгие годы во мне зрело чувство вины перед отцом, ставшее в конце концов невыносимым, требовавшим от меня какого-то действия, искупления. С другой стороны, у меня появилось желание узнать больше о его жизни, о том, о чем он никогда со мной не говорил. Мне захотелось понять, почему он стал таким, каким я его знал. В результате появилась идея попытаться как бы прожить если не всю, то хотя бы какую-то часть его жизни рядом с ним, попытаться взглянуть на вещи и известные события его глазами. Задача нелегкая, учитывая, что со времени смерти отца прошло 30 лет. В моем распоряжении были лишь детские воспоминания, обрывки подслушанных разговоров, старые фотографии. К счастью, ко всему этому теперь есть Интернет. Немаловажно, что у меня теперь есть и свой жизненный опыт, который позволяет реконструировать какие-то события.

У меня не было намерения как-то представить отца в выигрышном свете. Все, чего я хотел, – лишь воздать должное своему отцу и его поколению. Хотя в Советском Союзе военно-патриотическая работа была, что называется, на высоте, мне кажется, простые люди, участники великих событий, так и не получили того, чего они заслуживали. Да им это было не особенно и нужно. Так мне думается...

От автора

Я и мой отец, Ершов Анатолий Иванович. Примерно 1965 год

Глава первая

В советское время каждый школьник знал, что Курская битва – это одно из ключевых сражений Великой Отечественной Войны, в ходе которой противники применяли танки в масштабах, не виданных за всю историю войн, ни до, ни после. Красная Армия в ходе кровопролитных боев сумела «переломить хребет фашистскому зверю» и всему миру стало ясно, что Победа будет за нами. Было написано много книг и снято много фильмов о Курской дуге. Ежегодно 5 июля, в годовщину начала сражения, в газетах и журналах печатались статьи и воспоминания. В школах в то время практиковались «уроки мужества» – встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Надо ли говорить, что каждый второй из выступавших перед школьниками представлялся участником Курской битвы – это звучало очень почетно.

Мой отец почему-то всегда отказывался от приглашений выступить перед моими одноклассниками. Когда я, после очередного «урока мужества», с восторгом пересказывал ему услышанное от ветеранов, он только хмуро ухмылялся и в некорректных выражениях выражал сомнение, что выступавший действительно принимал участие в боях, которые описывал. Однажды я спросил отца:

- А ты воевал на Курской дуге?
- Да.
- А где именно?
- Ну, в районе Обояни, Ольховатки, Васильевки, Прохоровки.
- Это там, где было знаменитое танковое сражение?
- Да.
- И ты «тигры» видел?

– Да.

– Пап, приходи к нам в школу, расскажи! Все ребята мне завидовать будут, а?

И опять отказ. Такая реакция отца была мне непонятна, и постепенно у меня возникло ощущение, что отцу просто нечего рассказывать: ну, был где-то рядом, но в стороне от самых героических дел. Ну что ж, думал я, ну, не повезло мне – не у всех же отцы герои.

И только почти через тридцать лет после смерти отца мне стало ясно, насколько я ошибался. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда...

Закопченный, пропахший угольной пылью паровоз-инвалид натужно, отдуваясь клубами черного дыма, тянул состав по безлюдным заснеженным приволжским степям, раскинувшимся под низким зимним небом. Гремели на стыках, обдавали холодом мерзлого железа платформы с техникой, укрытой рваным брезентом. Слабо курились трубами буржеек обшарпанные теплушки. Временами, словно задремав на ходу, паровоз с пронзительным скрежетом останавливался, и оглушительная тишина повисала вокруг. Через некоторое время, как бы передохнув и собравшись с силами, паровоз делал усилие и, прогромыхав всеми своими суставами, эшелон трогался снова.

К концу января 1943 года бои в Сталинграде закончились, и 3 февраля был получен приказ: 21-я армия выводится в резерв Главного Командования, всем грузиться в эшелоны и следовать в Елец. Измученные за три месяца почти непрерывных боев в морозных степях, изголодавшиеся, обносившиеся солдаты восприняли эту новость как долгожданный отдых. В первый же день пути, съев большую часть выданного на дорогу сухого пайка, они завалились отсыпаться на нары, устроенные в теплушках. Но чуть лишь отдохнув, бойцы сгрудились у открытого дверного проема теплушки, выглядывая из вагонов. Обычно, одурев от безделья и следуя могучему влечению молодого мужского организма, требовавшего жизни и движения, солдаты при первой же возможности, невзирая на ругань командиров, выскакивали из вагонов в поисках какой-нибудь еды, повода перекинуться парой непристойных шуточек с женским полом да и, вообще, всяческих приключений. Особым шиком считалось вскочить в теплушку, когда состав уже тронулся и набрал ход, схватившись за ремень или веревку, привязанную к поперечной доске, под-

прыгнуть, упереться ногами в платформу и, подтянувшись и перебирая руками, забраться по веревке внутрь. Очень рискованный трюк, но, как замечено давно и не мной, молодые мужчины ощущают себя бессмертными и неуязвимыми.

На этот раз эшелон медленно тащился по местам, где совсем недавно прошли бои, через только что освобожденный и разрушенный Воронеж. Веселого вокруг было мало...

Отец, лишь месяц назад встретивший в Сталинграде свое двадцатичетырехлетие лейтенант, командир взвода противотанковых ружей (ПТР), как и всегда на фронте младшие офицеры – командиры взводов и рот, – располагался вместе со своими бойцами, устроившись поближе к буржуйке. Отсыпался, добивал сухой паек, лениво исполнял свои командирские обязанности: осаживал чересчур расходившихся бойцов («чтобы нюх не теряли»), нес караульную службу. На остановках спрыгивал на землю, размять ноги, пройтись вдоль эшелона, проверить часовых, в тулупах с поднятым воротом, обняв винтовки, дремавших на открытых платформах с техникой.

В советском стрелковом полку начала 1943 года было совсем мало автомобилей, зато много лошадей: артиллерия, обозы – все было на конной тяге. Были верховые кони и у многих офицеров, в том числе и у отца. При первой же возможности он навещал свою Звездочку, ехавшую этим же эшелонном в теплушке вместе с другими лошадьми. Пегая в яблоках кобыла, почуввав хозяина, всхрапывала, нетерпеливо переступала копытами, нервно косила большими умными глазами, вытянув шею, влажными губами осторожно брала куски сахара с ладони. В такие мгновения изрядно уже очерстневшая душа молодого фронтовика размягчалась, в памяти оживали воспоминания...

Толстый серый заяц сидел прямо посреди капустных рядов в огороде и догрызал кочерыжку, от удовольствия шевеля ушами. Пятилетний Толька затаился, стоя коленями на лавке у открытого окна, и не дышал. Просторная крестьянская изба, срубленная отцом и дядьями – переселенцами из Вятской губернии («Вятские ребята хваткие, семеро одного не боятся»), – всего лет пятнадцать тому назад на пригорке над речкой, была залита ласковым светом ранней осени. В доме никого не было, кроме деда и бабки. Отец – Иван Иванович, мать – Анастасия Петровна, старшие братья (двое из которых уже успели повоевать в Гражданскую, один – за красных, другой – за белых) – все спозаранок